

Юрий Максимов,
преподаватель Московской духовной академии

Христианская фантастика

В последние годы все чаще встречается словосочетание «христианская фантастика». Что это такое?

Прежде всего — это ярлык. Как и любой ярлык, он допускает превратные трактовки и не отражает всего многообразия того, что им обозначают. Однако, увы, совсем без ярлыков обойтись нельзя. Они помогают ориентироваться в том обилии предметов и явлений, которые нас окружают, и сверять их со своими интересами и предпочтениями.

Что же именно понимается под «христианской фантастикой»? Как правило, речь идет о фантастической литературе, где духовно-религиозные вопросы стоят в смысловом центре произведения и осмыслены с точки зрения христианского мировоззрения.

У многих людей старшего поколения слова «научная фантастика» прочно ассоциируются с атеистическим мировоззрением. Известна, напри-

мер, резкая статья иеромонаха Серафима (Роуза), обличавшая именно эту особенность современной ему фантастической литературы.

Объясняется такое положение вещей, во-первых, тем, что большинство писателей-фантастов XX века действительно были атеистами. В случае СССР нужно помнить еще и то, что произведения фантастов-христиан, в которых те не скрывали своей веры, по понятным причинам в нашей стране не издавались. Вот и возник стереотип, справедливый лишь отчасти — для фантастики определенного периода и определенного круга авторов.

Например, Дж. Р. Р. Толкиен, автор знаменитой трилогии «Властелин колец», был верующим католиком, и, несмотря на неоднозначное отношение к его творчеству среди верующих читателей, христианские мотивы этой книги очевидны.

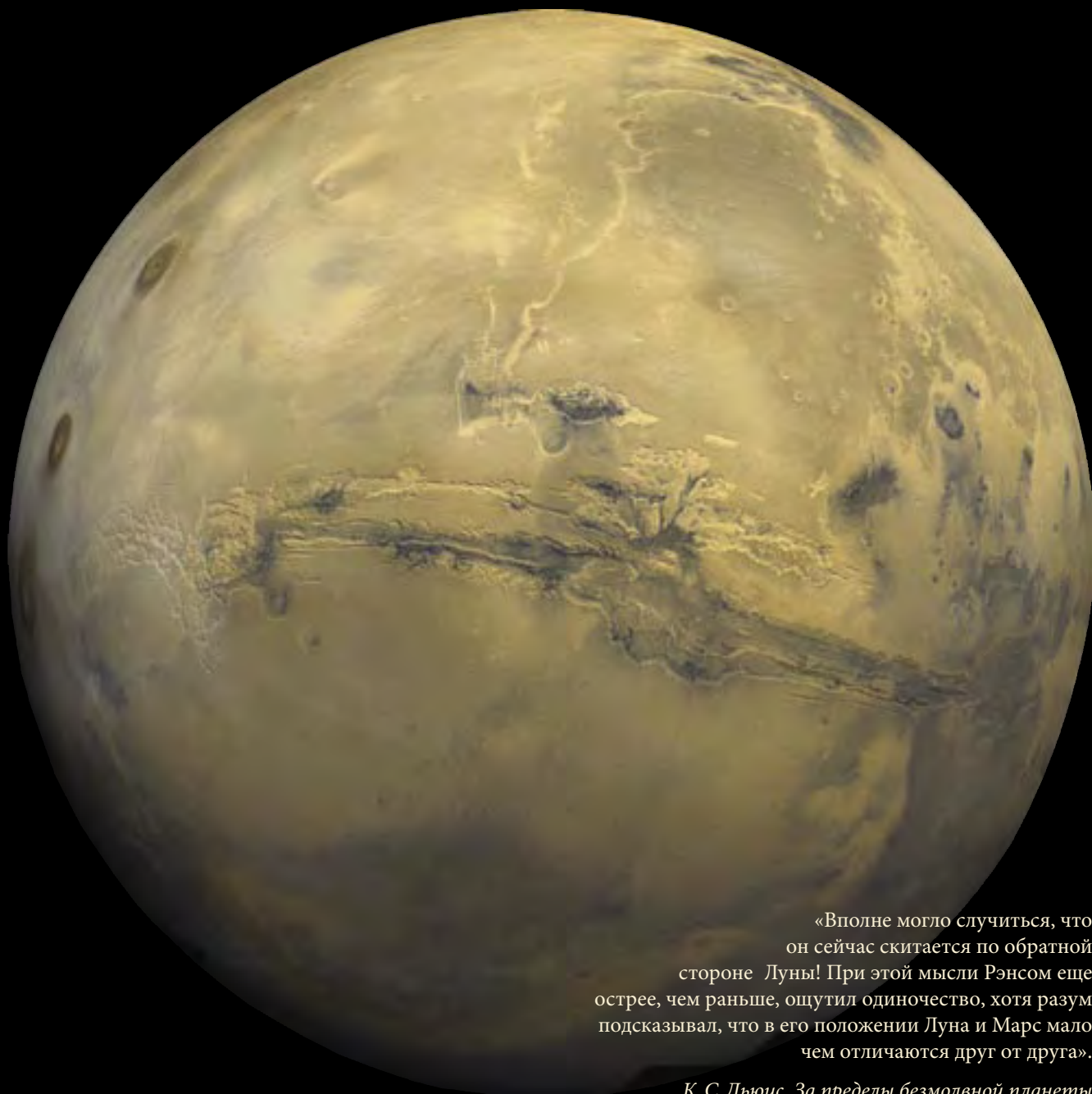
Прежде всего, взглянем на главную мысль произведения — она идет вразрез со всей фэнтезийной традицией после Толкиена. Кольцо есть

образ зла, или греха. Победить зло можно, лишь лично отказавшись от него; зло никогда нельзя использовать во благо. Используя его, ты поддаешься под его власть и только умножаешь общее количество зла в мире.

Следующий глубоко христианский момент в книге—это отношение к врагу. Ненавидимые всеми орки—это изуродованные злом эльфы, некогда прекраснейшие из существ в мире Толкиена. Сеющие ужас назгулы в прошлом были лучшими представителями человеческого рода. Они оказались достойны стать кольценосцами, но не устояли перед соблазном зла и подпали под власть правителя тьмы. Падший Саруман Белый был

одним из Мудрейших... Толкиен учит воспринимать врага сквозь призму его личной трагедии и через это подводит к единственно верному отношению к нему—к состраданию. Несколько раз в трилогии подчеркивается та мысль, что конечная победа добра стала возможной благодаря тому акту милосердия, который совершил Бильбо по отношению к своему врагу.

Но Толкиен не ограничивается указанием на то, что злодей имеет предысторию падения. Враг может покаяться и измениться. Яркий тому пример в книге—Горлум, то же происходит и с Гримой. Еще глубже это выражено в последней сцене с Саруманом, когда Фродо, останавливая друга

«Вполне могло случиться, что он сейчас скитается по обратной стороне Луны! При этой мысли Рэнсом еще острее, чем раньше, ощутил одиночество, хотя разум подсказывал, что в его положении Луна и Марс мало чем отличаются друг от друга».

К. С. Льюис. За пределы безмолвной планеты

от убийства павшего волшебника, говорит: «Нет, Сэм! Все равно убивать его не надо. И уж тем более нельзя убивать, когда он в черной злобе. Ведь он был когда-то велик, он из тех, на кого мы не смеем поднимать руку. Теперь он павший, однако ж не нам судить его: как знать, может, он еще возвеличится...»

Большая заслуга Толкиена состоит в том, что он в своей книге объяснил на понятном для современного человека художественном языке одну из самых трудных для понимания заповедей Христа: заповедь о любви к врагам. И не просто объяснил, но и раскрыл ее величие и мудрость.

Другой английский писатель-фантаст Клайв Стейплз Льюис, будучи по вероисповеданию англиканином, еще более явно говорил о христианских истинах — аллегорически в знаменитых «Хрониках Нарнии» и в ориентированной на более взрослого читателя «Космической трилогии».

Баптистский проповедник Рэй Брэдбери неоднократно обращался к религиозным темам в своем творчестве. «451° по Фаренгейту» заканчивается тем, что люди, оставшиеся на руинах цивилизации, наизусть заучивают Евангелие, чтобы сохранить, передать другим. А рассказы «Человек» и «Огненные шары» в полном смысле слова можно назвать христианской фантастикой.

В золотой фонд мировой фантастики вошел роман Уолтера Миллера-младшего «Гимн Лейбовичу», повествующий о судьбе католической общины в постъядерном мире. Христианином был и классик Клиффорд Саймак, что особенно заметно в романе «Братство Талисмана» и рассказе «Ван Гог космоса». Можно упомянуть также Конни Уиллис и Рафаэль Лафферти, менее известных у нас, но на западе почитаемых как мэтров малой формы фантастики. Я привожу лишь некоторые имена, на самом же деле список христиан-фантастов значительно больше.

Разумеется, почти все англоязычные писатели являлись либо католиками, либо протестантами. Иногда это накладывало специфический отпечаток на то, как именно они говорили своим читателям о христианстве.

Мне известны лишь два православных англоязычных фантаста. Во-первых, это Ник Маматас, американец греческого происхождения, посвятивший рассказ «Время дня» теме умной молитвы. Во-вторых, это канадка Донна Фарли, которая приняла в молодости Православие, а ныне — жена православного священника Лоуренса Фарли. К христианской фантастике можно отнести ее рассказы «Холодные руки, теплое сердце», «Ангел отца Вадима», «Мусорный день в Геенне», где для образа ада писательница возвращается к изначальному смыслу слова «геенна». Как известно, им обозначалась огромная загородная свалка Иерусалима, в которой постоянно тлел огонь. Описано все неве-

роятно динамично и вместе с тем глубоко. Донна Фарли последовательно выстраивает видение ада как «духовной помойки» и через это находит множество новых, незатертых образов.

Безусловно, жемчужиной творчества Фарли на настоящий момент можно назвать рассказ «Прохождение Затмения», посвященный подвигу быть собой и увидеть себя таким, как есть. Фон — далекое высокотехнологичное будущее человечества, пережившего ядерную катастрофу. И — проблема выбора. Обретение веры, обретение себя.

Сама писательница так отзывается о своем творчестве: «Возможно, не все мои рассказы явно религиозны, но невозможно, чтобы моя вера не лежала в основании всего, что я пишу».

Более-менее удачные попытки в написании православной фантастики предпринимаются и в традиционно православных странах: Сербии (Александр Неделькович), Греции (Кириакос Сгарбас), Румынии (Михаэл Хавлика).

Есть такие писатели и в России. О каждом из них было бы интересно поговорить отдельно, здесь лишь перечислим такие заслуживающие внимания произведения, как замечательные повести Виталия Каплана «Юг там, где солнце», Елены Хаецкой «Поп и пришельцы», Далии Трускиновской «Сиамский ангел», Дмитрия Володихина «Огородник и его кот», Максима Яковлева «Блаженны плачущие».

В последнее время среди церковных людей также встретили определенный отклик фантастические романы Юлии Вознесенской. Пару лет назад опубликовал в светском издательстве свой первый фантастический роман «Всемирный полдень» священник Тверской епархии Георгий Белодуров.

Про одни из перечисленных выше произведений можно сказать, что они просто отражают мировоззрение автора, про другие — что в них имеет место явный миссионерский посыл. Фантастика сейчас является одним из немногих жанров литературы, который имеет массового и притом — молодого читателя. Не стоит терять такую возможность для проповеди.

Кстати, нужно признать, что наличие положительной христианской позиции далеко не всегда способствует литературной судьбе произведения в светских изданиях, где по привычке таких тем чураются. Это я могу сказать по собственному опыту. Были примеры, когда в журналах мне отвечали: «Хорошо, но опубликовать с религиозной тематикой не можем, пришлите что-нибудь другое», а в одном издательстве сказали: «Опубликуем книгу, если уберете религию и сделаете героя атеистом», наконец, иногда доводится сталкиваться и с простым непониманием... Но, вместе с этим, если публикации удастся выйти в свет, многие читатели признают, что неожиданно для себя узнали о Православии что-то новое, стали относиться лучше, с большим уважением и интересом.